

А.С. ЕРМОЛАЕВА

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НАЧАЛА ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Измайловский могильник открыт в 1977 г. А.Г.Максимовой при участии автора во время поисково-разведочных маршрутов в зоне будущего Шульбинского водохранилища.

На могильнике, размещенном на небольшой по площади возвышенности сконцентрированы комплексы нескольких эпох – от ранней бронзы до тюркского времени. К могильнику, расположенному на второй надпойменной террасе Иртыша в 2 км от берега поймы, с трех сторон – восточной, южной и западной – подступали распаханные поля, на которых просматривались разрушенные погребальные сооружения. На могильнике выявлены 32 погребальные сооружения, 4 ритуальные выкладки, два кенотафа, сконцентрированные на возвышенности, господствующей в равнинной надпойменной долине (рис. 1).

Погребальные сооружения на могильном поле расположены неравномерно. Наибольшая плотность их отмечена в наиболее возвышенной восточной половине террасы и на южном ее склоне, где в недавнем прошлом располагались строения совхозного тока. Выяснение причин выбора данного конкретного пространства под могильник, этапы и процесс реализации его древними в значительной степени удалось реконструировать в результате проведенных раскопок объектов разных исторических эпох. Первыми эту возвышенность под могильник использовали пришедшие сюда племена елунинской культуры в эпоху ранней бронзы. Планграфический анализ могильников этой культуры, проведенный на исходной территории, выявил факторы, которыми руководствовались елунинцы при выборе места для погребений. Как правило, это был высокий мыс

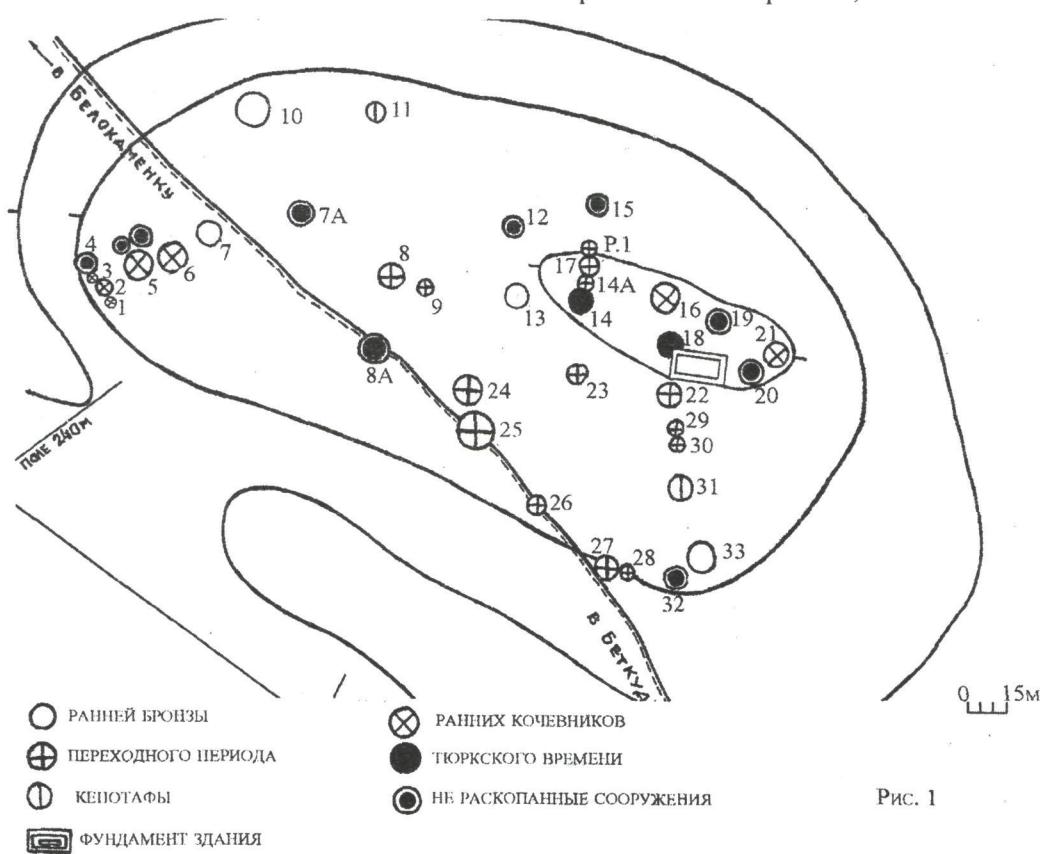


Рис. 1

или возвышенность, с которой открывался впечатляющий панорамный вид на пойму реки. Этим же принципом, видимо, они руководствовались и на освоенных территориях. Племена следующей за этим периодом андроновской эпохи предпочли пониженные равнинные участки и в 6-7 км к востоку и западу от Измайловки организовали свои могильники. Они «не оценили» преимущественного расположения погребений на возвышенности, которая спасала от периодических разливов Иртыша и затопления надпойменной долины, прекратившихся лишь после строительства ГЭС и водохранилищ в верховьях реки. Одной из причин выбора нового места могло быть неприятие чужого могильника, связанного с другими религиозно-мировоззренческими представлениями. Промежуток между елунинцами и бегазинцами, наиболее активно осваившими могильное поле, был более длительным. Функционирование могильника продолжалось и в раннекочевническую эпоху, в начальный ее период. В связи с этим особое внимание уделено наблюдениям и анализу соотношения бегазинских и раннесакских комплексов, укладывающихся в хронологические рамки первой половины I тыс. до н.э., взаиморасположению их на могильном поле. После долгого перерыва, в эпоху господства кимаков в Прииртышском регионе, могильник вновь принимал покойников. К этому времени многие погребальные сооружения перестали просматриваться на поверхности, в результате чего кимакское погребение (к.13) разрушило елунинскую могилу в одном случае, во втором – край насыпи (к.14) частично перекрыл бегазинскую ограду. В современный период назначение этой возвышенности кардинально изменилось, никак не связываясь с местом для погребений: на самом возвышенном ее месте был устроен совхозный ток, а в километре к северо-востоку – село Измайловка (рис. 1).

Комплекс переходного периода от бронзы к железу интересен тем, что это пока единственный памятник, который можно связать с проживавшим в Восточном Казахстане бегазинским населением. В последние годы памятники с бегазинской посудой, и в том числе близкой к измайловской, открыты в Павлодарском Прииртышье.

Прошло немало времени со времени работ С.С.Черникова, отрицавшего наличие особого переходного периода на территории Восточного

Казахстана из-за отсутствия таковых памятников. Открытый в 70-е годы прошлого столетия комплекс погребений VIII–VII вв. до н.э. на Зевакинском могильнике подтвердил наличие переходного периода как самостоятельной исторической эпохи в данном регионе, сделав актуальной проблему хронологии и периодизации памятников. Для Восточно-казахстанского региона временные рамки VIII –VII вв. до н.э.- это время доживания памятников, сохраняющих традиции позднебронзовых культур, в которых появляются и сосуществуют раннекочевнические элементы. В то же время, VIII –VII вв. до н.э. – это уже раннекочевническая эпоха. Тенденция к удревнению раннескифских памятников до IX вв. до н.э. и появление целого массива новых материалов привели к необходимости пересмотра как самого содержания переходного периода, так и его хронологических рамок. Исследователи этого региона, начиная с Ф.Х.Арслановой, для памятников VIII –VII вв. до н.э. применяли термин «переходный тип» и «переходный период», распространенный впоследствии на памятники Павлодарского Прииртышья и Кулундинской степи. Археологи столкнулись с таким фактом, когда по совокупности признаков материалы памятников либо невозможно отнести к той или иной эпохе, либо в материалах позднебронзовых памятников появляются элементы, получившие свое развитие в последующую эпоху. Эти памятники подтверждают точку зрения части исследователей, что смена эпох – это сложный и длительный по протяженности отрезок времени, протекающий в разных регионах по-разному.

На Измайловском могильнике комплекс погребений переходного периода связан с памятниками бегазы-даныбаевской культуры, существовавшей на своем завершающем этапе, на котором уже появляются характерные черты обряда ранних кочевников. Так, в захоронении в ограде 24 зафиксированы элементы огненного ритуала, получившие свое развитие в последующую эпоху, когда было сожжено либо деревянное перекрытие, либо горел костер в яме, а полутора сгоревшие остатки дерева и угли были сдвинуты к стенкам ямы и замаскированы облицовкой из плит и камней. Элементы раннекочевнической эпохи просматриваются в конструкции объектов в виде кольца (ог. 8) и кольца в сочетании с вкопанными на грань камнями (ог.22); в появлении

ни в погребальном инвентаре кувшинов характерных форм (рис.14), фото 7 бляшек-зажимов (ворворох) (рис.11, 8-9). Традиция помещения сосуда в камнях ограды, известная с эпохи бронзы, сохраняется и в это время, например, на объекте 27, где был вкопан горшок саргаринского типа и закрыт каменной крышкой¹. Но в этой традиции появляются новые черты, проявившиеся в ограде 9, в камнях которой с восточной стороны на уровне древнего горизонта был установлен крупный вазовидной формы сосуд (рис.14, 1). И форма сосуда, и помещение его в восточной части ограды характерны для тасмолинских памятников Центрального Казахстана² и курганов «с усами» Восточного Казахстана³. Кроме того, внутри ящика объекта 27 вместе с саргаринскими горшками находились 3 кувшина (фото 7, 1, 3; рис.14, 2, 3, 6), один из которых был сделан на круге и вместо обжига хорошо просушен* (фото 7, 1, 3; рис.14, 6). Аналогичной формы кувшины более характерны для раннекочевнических древностей, в частности, в некоторой степени сходной формы кувшин был найден в Павлодарском Прииртышье, опять же в кургане «с усами» и с восточной стороны насыпи⁴. Сходство некоторых измайлловских кувшинов с тасмолинскими отмечал Г.Ю.Пересветов при публикации этих материалов из Павлодарского Прииртышья, указывая на определенную связь их с памятниками переходного периода из Восточного Казахстана⁵. Еще один кувшин, более характерный для кочевников Семиречья, обнаружен в ящике 23 вместе с сосудом бегазинско-карасукского типа (рис.14, 4), подтверждая еще раз факт совместного нахождения разновременной посуды, часть из которой убедительно связывается с эпохой ранних кочевников. Но, как нам представляется, материалы измайлловского комплекса

са переходного периода фиксируют факты существования памятников двух эпох в этот период, и трактовка его как «памятника переходного типа» или «переходного характера» была бы неверной. Материалы этого комплекса не содержат характерного набора исходных раннекочевнических форм.

В качестве примера памятника «переходного типа» более подходит соседний позднебронзовый могильник Темир-Канка, на котором фиксируется постепенная трансформация культуры. На могильнике отмечается изменение планиграфии сооружений по мере продвижения к западу и появление цепочек курганов с невысокими насыпями в пределах одной эпохи. В одном таком раскопанном кургане выявлена двойная ограда, в которой нашли отражение 2 разные традиции: андроновской эпохи - сооружение ограды из плит, врытых вертикально, и раннекочевнической - устройство кольца из галечника и гранита⁶. Наряду с прямоугольными появляются ящики подквадратной формы, в одном из которых был найден двулопастной наконечник стрелы с сильно опущенными ниже втулки лопастями, представляющий прототип наконечников с жальцами (рис.14, 7). Распространение их в сакскую эпоху подтверждает находка двух аналогичных наконечников в памирском могильнике Шаймак VII – VI вв. до н.э. Оба шаймакских наконечника характеризуются очень узкими лопастями, как и наконечник из Темир-Канки, один из которых уже имеет шип⁷. Второй же наконечник, кроме очень узких лопастей, имеет обрезанную втулку, причем обрезанную таким образом, что концы лопастей превращаются в шипы, что максимально сближает его с наконечником из Темир-Канки⁸. На основании этих двух памирских находок можно предположить, что

¹ Ермолова А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу. //Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-ата, 1987. С.84, рис. 45,1; 46, 5,6.

² Маргулан А.Х., Акшиев К.А., Кадыраев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 392, 393, рис. 61.

³ Арсланова Ф.Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана. /Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.127, таблица II, 1,10.

⁴ Пересветов Г.Ю. Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области). //Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С.282-285, с. 284, рис. 1, 13.

⁵ Там же, с. 285.

* Определение произведено на компьютерном томографе С.Кыргызбаевым

⁶ Максимова А.Г., Ермолова А.С. Памятники эпохи бронзы. //Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С.41-52,62-67; Ермолова А.С. Некоторые итоги изучения памятников эпохи бронзы Восточно-Казахстанского Прииртышья. // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С.91-94.

⁷ Литвинский А.Б. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. С.94, табл.34,9.

⁸ Там же, с. 94, табл. 34, 8.

наконечник стрелы из могильника Темир-Канка представляет собой не просто определенный этап в развитии этой формы, а практически сформированный тип сакских наконечников.

В погребениях могильника Темир-Канка уже полностью отсутствует глиняная посуда, столь характерная для погребального ритуала андроновской эпохи. Крупные стекловидные бусы боченковидной формы – глазчатые и подтреугольной формы – также характеризуют следующую эпоху. Положение же и ориентировка погребенных во всех группах могильника аналогичны андроновскому федоровскому обряду захоронения. Сохранение традиций андроновской эпохи в обряде погребения и в конструкции позднебронзовых сооружений при одновременном нарастании раннекочевнических элементов характеризуют преемственный и переходный характер могильника Темир-Канка, существовавшего, видимо, на раннем этапе перехода. Дата памятника, характеризующегося сильной андроидностью в обряде погребения, в отличие от измайловаского бегазинского комплекса, определена рубежом II–I тыс. до н.э.

Измайлово́ский могильник получил широкую известность в научной литературе в основном из-за комплекса бегазинских погребений и находки в одной из бегазинских оград двух комплектов конской узды.⁹

Стоит упомянуть, что особенностью зевакинского комплекса переходного периода является сохранение традиций предшествующего позднебронзового периода: оградки ранних форм, скрченное положение погребенных и их ориентировка, посуда андроновского облика в сочетании с предметами раннескифских форм - ножи, аргиллитовая застежка, украшения. Но для нашей темы особо значима находка в детском погребении зевакинского комплекса бронзовой пронизи-обоймы (рис.11, 12а), являющейся характерной и стандартной деталью раннекочевнических уздечных наборов¹⁰. Аналогичная ситуация про-

слеживается в измайлово́ском могильнике, с той лишь разницей, что в бегазинском погребении найден набор раннекочевнической сбруи. Большая часть уздечных принадлежностей находилась в разбросанном виде в ограде и за ее пределами (рис.11, 1 – 8, 10,13); и среди предметов была серебряная серьга с небольшим расширением на одном конце, напоминающем раструб (рис.11, 15), кроме того, одна бляшка-зажим (ворвочка) найдена была в ящике под плитой (рис.11, 9), что послужило аргументом для утверждения о принадлежности набора к погребению в ящике. Остальная часть предметов лежала в ямке в сложенном виде (рис.11, 11,12,14, 16-19)¹¹.

Материалы раскопок раннекочевнического комплекса, состоящего из четырех курганов, содержащих 7 захоронений и 3 ритуальные выкладки на измайлово́ском могильнике, по разным причинам до сих пор не попали в научный оборот. В результате предварительной публикации материалов кургана 21 широкую известность получила самая яркая находка - зеркало с изображением на диске, впоследствии в отрыве от погребения включенная в Археологию СССР, где в прорисовке зеркало изображено с обломанной ручкой¹².

Два кургана (5, 6) и ритуальные выкладки (1-4), связанные с ними, располагались на западной оконечности террасы, а остальные два (16, 21) – на восточной (рис. 1). Три кургана (5,6,16) содержали одиночные захоронения, а четвертый (21) – являлся коллективным погребальным сооружением. Одиночные, мужское и женское, захоронения в курганах 5 и 6 были хронологически единными (и погребенные в них, видимо, были связаны родственными узами), хотя во внутримогильном устройстве прослеживаются различия. По всей вероятности к этим курганам имели отношение и выкладки, расположенные в 7 м к юго-западу от кургана 5. Раскопаны две выкладки круглой формы диаметром 1,6 м и одна овальной формы - размером 4,2 x 3,75 м (рис. 1). У всех

⁹ Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу. //Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-ата, 1987. С.69-72, рис.31-33.

¹⁰ Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII – VII вв.до н.э.из Восточного Казахстана.// В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С.46-60; табл.III, 24.

¹¹ Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу. //Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С.69-72, рис. 31-33.

¹² Ермолаева А.С. Исследования на левом берегу Иртыша в Восточном Казахстане. //АО 1983, М., С. 509-510, рис.1; Боковенко Н.А. Центральный и Восточный Казахстан. Глава У. /Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 145-146, с. 57, табл. 57.

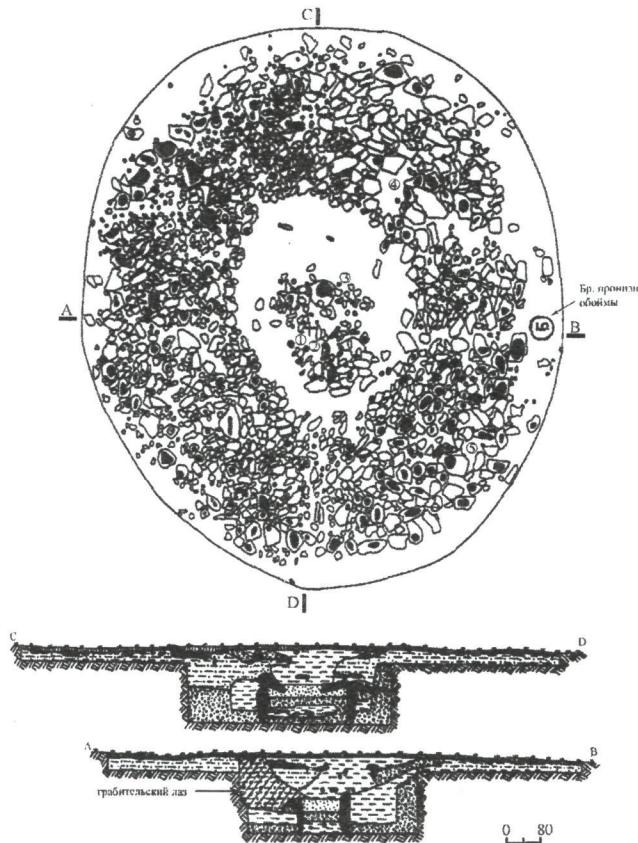


РИС. 2

трёх под дерновым слоем отмечался ярко выраженный материковый грунт.

Курган 5 (рис. 2) располагался на возвышенности в западной части могильного поля (рис. 1). Едва заметная насыпь кургана, высотой около 7 см, имела несколько вытянутую с севера на юг форму размером 12,9 x 11,0 м. До расчистки по основанию насыпи просматривалось кольцо шириной 3 - 4 м из колотого кварца и изредка - гранита. Наиболее крупные камни возвышались над современной дневной поверхностью на 10–15 см. С восточной стороны кургана в основании насыпи заметно было углубление, в котором на глубине 7 см найдены 2 бронзовые обоймы с соларным орнаментом и выступами по краю щитка, а на глубине 9 см - 2 бронзовые бляшки-пронизки (рис.2; 9, 1- 4; фото 1). При снятии дернового слоя в камнях кольца с северной и южной стороны найдены мелкие фрагменты керамики и среди них - фрагмент боковины сосуда с отогнутым венчиком (рис.2; 13,1). Внутри вдоль северной стороны кольца, в 0,2 м от камней, расчи-



фото 1

щен ряд из вкопанных на грань плоских камней по линии запад-восток на глубине до 0,2 м. Внутри кольца обозначилась надмогильная выкладка, камни которой занимали почти всю площадь, кроме северной половины. Выкладка овальной формы была размером 3,2 (3-В) x 2,4 (С-Ю) м. Сверху четких очертаний могильной ямы не зафиксировано. Заполнение ямы до ящика состояло из камней и темного суглинка (рис.2). На глубине 0,8 - 1,0 м появился верх ящика, сооруженного из семи массивных неровных гранитных плит толщиной 0,15-0,2 м и ориентированного по длинной оси СЗ-ЮВ. Ящик был установлен на дне ямы глубиной 1,5 - 1,6 м, размером 3,2 (С-Ю) x 2,5 м (3-В) (рис.3,1). Заполнение ямы на уровне ящика состояло из плотного серого суглинка. Ящик, установленный ближе к южной и западной стенкам ямы, был заглублен в материк из гравия таким образом, что дно ящика оказалось ниже дна ямы на 0,15-0,2 м (рис.2, разрезы). Ящик имел перекрытие, от которого сохранились в северо-восточном углу и в южной половине две плиты, свалившиеся одним концом внутрь. Камни и плиты лежали и за торцовой южной плитой ящика. В ящике на глубине 1,68-1,70 м под чистым речным песком лежали в беспорядке кости скелета человека плохой сохранности. Об ограблении свидетельствовал и зафиксированный в юго-западном секторе ямы грабительский лаз шириной от 0,8 до 1,5 м (рис.2, разрез А-В). В середине ящика и у северной плиты лежали кости рук, ног, ребра, зубы, череп, фаланги (рис.3,1). Возле костей ног у северной плиты найден мелкий фрагмент керамики и обломок железного коррозированного предмета (нож ?) (рис.9,5), в северной половине ящика – кусочки дерева, некоторые из них обуглившиеся.

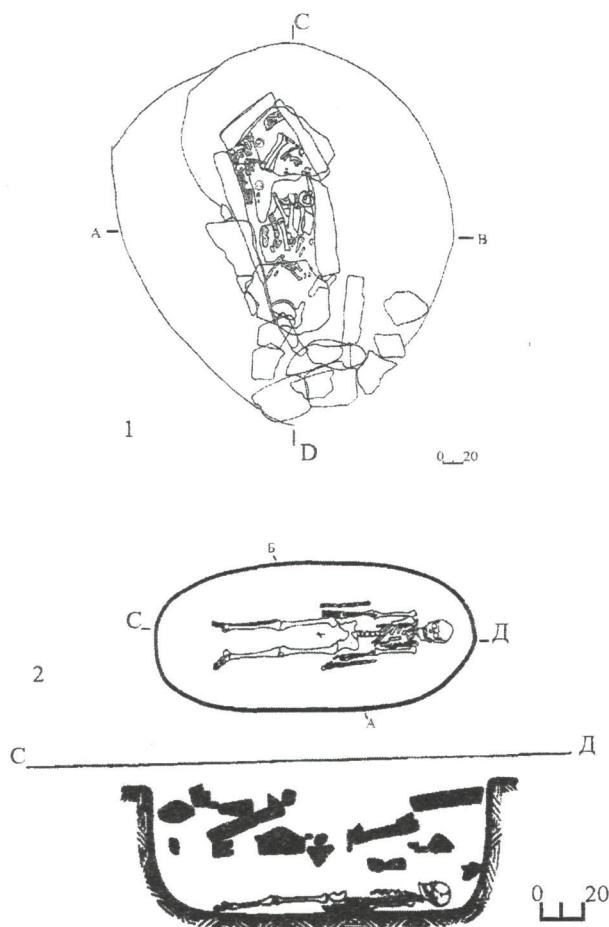


Рис. 3

Курган 6 располагался рядом с курганом 5 (рис.1; 4). До раскопок на поверхности частично просматривались белые кварцевые камни, образующие круг. На глубине 0,2 м обозначилось кольцо из кварцевых и гранитных камней, наиболее сохранившееся в западной половине. Крупные камни в этой половине плотно уложены друг к другу, в основном в 3 ряда, иногда более. Обвод кольца состоял из одного ряда крупных ровных камней, пространство между которыми было заложено более мелкими камнями. Внутри кольца обозначилась надмогильная выкладка, в основном, из камней мелкого колотого гранита и в меньшей степени - кварца, по контуру обложена кварцевыми камнями средних размеров. Под выкладкой, вытянутой по линии ЮВ-СЗ, проявилась могильная яма, совпадающая размерами с выкладкой. В яме, в западной и восточной половинах, поперек лежали 2 гранитные плиты, из них западная плита южным концом опускалась

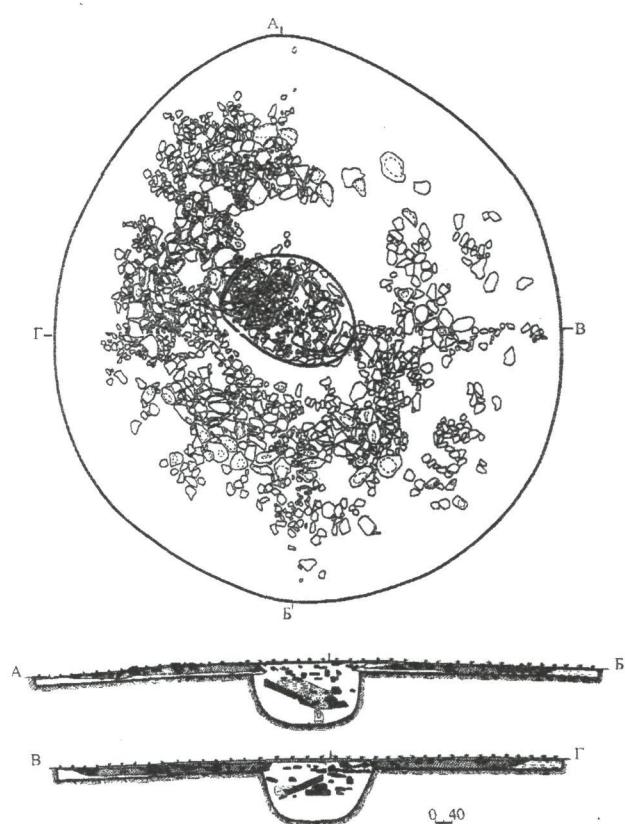


Рис. 4

вниз, восточная - длинной стороной наклонена под стенку ямы. Ближе к юго-восточному краю ямы выявлен крупный кварцевый камень, у северной стены появилась плита, торцовым концом уходящая в юго-западный сектор к стене. В юго-восточной половине ямы на глубине 0,7–0,9 м расчищена ровная четырехгранная, с шириной граней 0,34 и 0,18 м, плита-столб длиной 1,32 м, лежащая поперек ямы. Между плитами и под ними сплошным слоем лежали мелкие и средних размеров камни. В середине ямы в камнях отмечено заполнение из мягкой рыхлой земли коричневого цвета (тлен?), расположенного в основном по ходу грабительского лаза. Заполнение лаза состояло из камней разных размеров. Грунтовая яма размером 2,5 x 1,1 м была вытянутой формы с закругленными углами. На дне на глубине 1,1-1,42 м лежал скелет женщины, вытянуто на спине, головой на СЗ (рис.3, 2). На шейных позвонках расчищено 50 пастовых бусинок в виде маленьких плоских колец темного и голубого цвета, среди них 5 сердоликовых бусин с орнаментом, наведенным содовым раствором (рис.10, 4; фото 2).

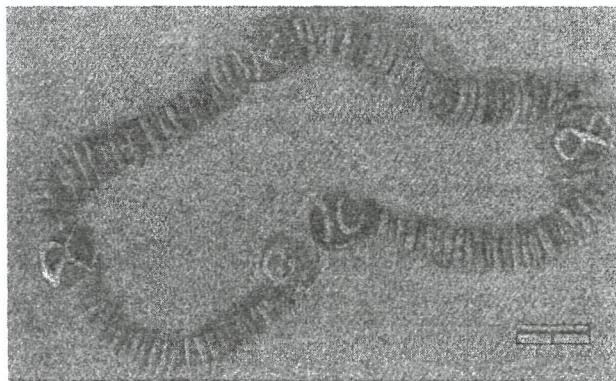


фото 2

Курган 16 (рис.5). На поверхности едва заметная насыпь выделялась характерной полынной растительностью. В рыхлой насыпи просматривались бессистемно лежащие мелкие камни и два камня средней величины с северо-западной стороны. При снятии дернового слоя попадались железные предметы от совхозной техники и бытовой мусор. Расчищено каменное кольцо почти правильной круглой формы, диаметром 8,5 м, состоящее из колотого гранита и немногих камней кварца. Ширина кольца составила 2,2 x 2,4 м. Основу нижнего слоя кольца составляли плоские гранитные камни средних размеров, а между ними и на них лежали мелкие камни. В северо-западном секторе кольца расчищена надмогильная выкладка размером 2 x 2 м, примыкавшая к кольцу северо-западной и западной сторонами. Выкладка сооружена из таких же камней, что и кольцо, но отличается своим темным земляным заполнением в сочетании с мелким гравием от заполнения в кольце - желто-серого, щебнистого. После снятия двух слоев камней выкладка приняла овально-вытянутую форму с ЮВЮ на СЗС, в южной половине которой зафиксирована прослойка из щебнистого суглинка мощностью до 0,35 м. Очертания могильной ямы были выявлены после удаления третьего слоя камней. Первоначально яма была заложена крупными плоскими плитами в несколько слоев, которые при ограблении были сдвинуты и частью вынуты грабителями в северо-восточном секторе. Грабительский лаз впоследствии был заложен камнями мелких и средних размеров до уровня ящика. Вдоль западной стенки ямы расчищены три плиты, поставленные на грань, две из которых были длиной 1,45 и 0,75 м, толщиной от 0,5 до 0,2 м каждая. В этом слое крупные плиты перекры-

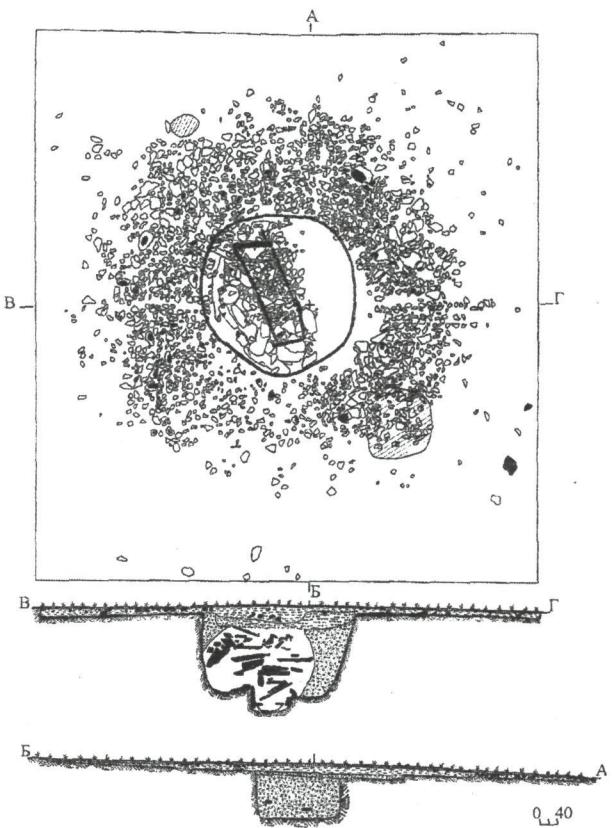


Рис. 5

тия располагались следующим образом: в южной половине лежали две плиты, сползшие северным концом к грабительскому лазу; у северной стенки над лазом нависают три плиты, положенные одна на другую; у западной стенки стояла одна плита длиной 1,6 м, а за ней еще три плиты вдоль стены длиной 1,45 и 0,75 м и толщиной от 0,05 до 0,2 м каждая. К югу от них лежали плашмя и в наклонном положении плиты меньших размеров. В юго-восточном углу и по северной стороне плиты перекрытия упираются в борта ямы. В следующем слое вдоль западной стенки ямы лежали крупные и средних размеров плоские плиты, от которых к востоку располагалась крупная плита поперек ямы, а под ней вторая. С южной стороны, нависая над ящиком, лежали одна на другой плиты и средней величины камни. Под этим слоем каменного перекрытия обнажились все плиты ящика. В северо-западном углу ящика, а также на северной и западной его стенках остались три обломка от разбитой грабителями плиты, на которых сохранились следы инструмента в виде овальных углублений. Рядом на ящике сохранились две плиты - одна на другой. С юж-

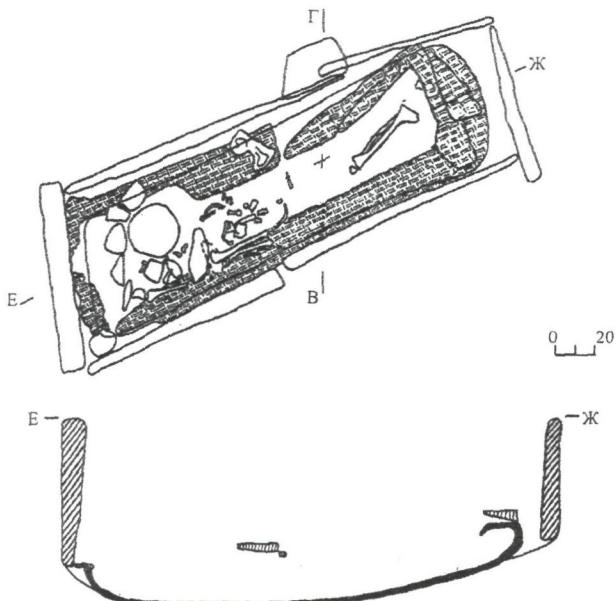


Рис. 6

ной стороны до середины ящика лежали поперек еще четыре плиты, расположенные с напуском друг на друге. Последними были сняты две плиты перекрытия на восточной стороне, находившиеся в наклонном внутрь ящика положении. Плиты и камни перекрытия состояли из серо-розового крупнозернистого гранита и в небольшом количестве - серого мелкозернистого.

Заполнение ящика состояло из гравия с темной супесью и песка, а за ящиком был гравий с песком светлого цвета. Стенки ямы на уровне ящика были укреплены от осыпания небольшими плоскими камнями, что позволило одновременно нарастить более низкие, западную и восточную, стороны ящика и устранить щели в углах. Ящик, сооруженный из шести плит крупнозернистого гранита, имел длинные стороны - из

двух составных плит каждая - и торцевые цельные. Плиты западной стороны ящика плотно стыкуются друг с другом, а восточной - заходят друг за друга, образуя сверху зазор в 0,2 м, заложенный плоским камнем. Обе восточные плиты сильно отклонены наружу, а торцевая северная плита и ближняя к ней плита западной стенки сильно наклонены внутрь. Остальные плиты стоят почти вертикально (рис.6). Северо-восточный угол ящика был завален мелкими камнями. В северо-западном углу в слое сырого гравия на глубине около 2,2 м расчищен берестяной сосуд плохой сохранности (рис.13, 3). На этой же глубине выявлены остатки дерева в виде горизонтально расположенной прослойки шириной до 1 см с цветовой гаммой от светлого до темно-коричневого цвета. В южной половине прослойки, расположенной вдоль западной стенки, отмечено понижение относительно общего уровня. Прослойка, расположенная вдоль восточной стенки ящика, в северной половине, постепенно меняя цвет, из светло-коричневой стала почти белой и затем исчезла совсем, немного не доходя до места соединения двух плит ящика. В этом месте из земли торчала тазовая кость человека, а к западу от нее - обломок трубчатой кости, расположенный на 0,10-0,12 м ниже уровня прослойки. Вдоль северной стенки ящика беловато-коричневый тлен фиксировался фрагментами и располагался на уровне дна берестяного сосуда. К востоку от сосуда лежали обломки черепной крышки и челюсть человека. В юго-восточном углу в 0,3 м от плит лежало бревнышко диаметром 7-8 см, располагаясь под углом к восточной плите ящика. В бревнышко одним концом упирался камень, лежавший вдоль южной плиты ящика (рис.6). Под бревнышком появился тлен светло-коричневого цвета, а под камнем - стенка коло-

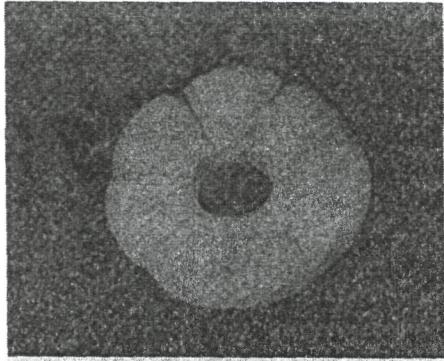


Фото 3

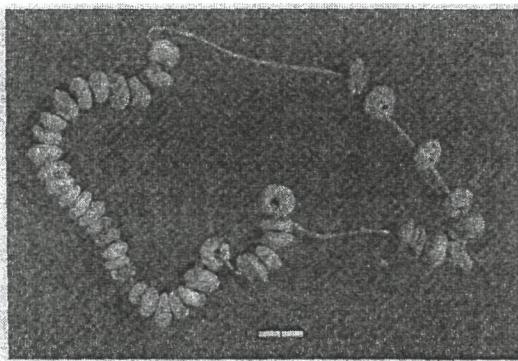


Фото 4

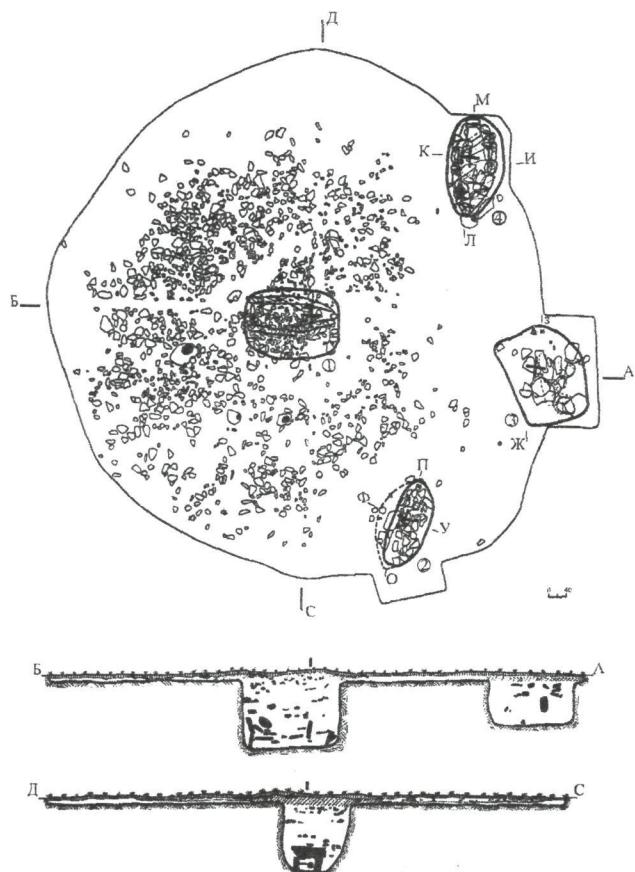


Рис. 7

ды. Под горизонтальной прослойкой вдоль плит ящика с северной, западной и восточной сторон появились стенки колоды в виде прослойки дерева толщиной от 0,5 до 1 см. Колода установлена почти вплотную к плитам ящика, кроме торцовой южной стенки, удаленной на 0,15-0,20 м. Толщина стенки колоды на этой стороне составила 0,15-0,18 м. Колода была длиной 2,1 м и шириной 0,47-0,48 м, имела округлые стенки, плавно сужающиеся ко дну. Грабительским лазом была разрушена стенка колоды в северо-восточном углу. В северной половине колоды среди костей скелета лежали камни и среди них - круглый валун диаметром 0,35 м, возможно, служивший подушкой для погребенного (рис.6). Возле валуна и под ним найдены 42 пастовые и бирюзовая бусины и костяная орнаментированная бляшка-розетка (рис.10, 1,2, фото 3,4). В области пояса скелета, сильно потревоженного грабителями, сохранилась бронзовая обойма с остатками кожи внутри (рис.10,3). По сохранившимся костям было установлено, что скелет лежал вытянуто на спине черепом на северо-запад.

Курган 21 располагался на восточной окраине могильного поля в 15 м от развалин здания бывшего совхозного тока (рис.1; 7). В расплывшейся насыпи, едва заметной на поверхности, местами просматривались верхушки камней, в основном белого кварца. В середине насыпи отмечено возвышение, а к западу, востоку и югу от него - небольшие западины. Расчисткой выявлена каменная наброска, в основном из мелких и средних камней, среди которых одиночно лежали крупные камни. Предположительно это было кольцо, в котором количество крупных камней, видимо, было значительно больше, чем сохранилось к настоящему времени. Первоначальная форма кольца, имевшего в ширину от 2,0 до 3,5 м, лучше сохранилась в северо-западном и юго-западном секторах, а наиболее разрушена в восточной половине, где камни кольца сохранились разрозненно на ширину 1,4-1,8 м. В середине каменной конструкции обозначилась надмогильная выкладка овально-вытянутой формы размером 2,3 (3-В) x 1,4 (С-Ю) м. Выкладка, не отделенная от кольца, отличалась набором более мелких камней колотого гранита и кварца и характерным заполнением, состоящим в южной половине из темной рыхлой земли, в северной - из плотного желтоватого суглинка. Выкладка, кроме того, была оконтурена поставленными на грань плоскими кварцевыми камнями, более четко оформляющими ее южный край. За пределами каменной конструкции с восточной стороны выявлены 3 погребения, расположенные по периметру. Видимо, при сооружении этих могил были частично разобраны камни кольца, наличие которого предполагается. Все следы подхоронений были уничтожены современной производственной деятельностью человека.

Погребение 1 (основное). В пределах надмогильной выкладки на уровне древнего горизонта оконтурилась могильная яма, забутованная камнями разных размеров, с преобладанием средних. Крупные валуны попадались разрозненно на разных уровнях. На глубине 1,6 м под очередным слоем камней появилось перекрытие ящика из гранитных плит. Целостность перекрытия в средней части нарушена грабителями: *in situ* лежали крайние плиты на восточном и западном концах ящика. Из двух срединных плит перекрытия одна была поставлена грабителями на грань на северную плиту ящика, а другая, в вос-

точной половине, стояла в таком же положении поперек ящика. Образовавшийся лаз и вся середина ящика после ограбления были заполнены камнями разных размеров. На крайней западной плите перекрытия, в северо-западном ее углу на глубине около 1,5 м, лежали кучкой кости человека: ноги, руки, ребра. Ящик, ориентированный длинными сторонами по линии З-В, сооружен из толстых узких гранитных плит: по две составные плиты на длинных сторонах и одной торцовой с запада. На восточном конце ящика длинные плиты сближаются до 0,2 м, а в образовавшийся промежуток был поставлен кварцевый камень. Ящик, установленный на дне ямы на глубине 1,9 м, имел в ширину 0,53 м на западном конце и 0,6 м в срединной части. В ящике найдены были мелкие обломки костей человека, ориентированного, судя по расширению западной половины ящика, головой на запад (рис. 7; 8, 1).

Все три боковых захоронения располагались в восточной половине кургана и не были закрыты каменной наброской, разобранной, видимо, при их сооружении (рис.7).

Погребение 2 располагалось в 4 м к ЮВЮ от основного захоронения. Под дерновым слоем обозначилась надмогильная выкладка размером 2,2 x 0,8 м, вытянутая по длинной оси СВС – ЗЮЗ. Выкладка состояла из камней кварца и гранита средних размеров и двух крупных плоских гранитных камней на западной стороне. Под выкладкой оконтурилась входная яма глубиной около 1,1 м, шириной до 0,9 м вверху и около 0,45 м внизу, заложенная камнями. С западной стороны

входной ямы был сооружен подбой, заставленный вертикально стоящими плоскими камнями: в северной половине сохранились три гранитных камня и один -узкий, длинный, кварцевый - на южном краю. В южной половине целостность заставки нарушена грабителями: гранитная плита отвалена во входную яму, на дне которой лежали 4 кварцевых камня высотой от 0,35 до 0,75 м и шириной от 0,25 до 0,55 м. Южный и северный края заставки подбоя заканчивались более мелкими и бесформенными камнями, упирающимися в стенки.

Подбой шириной около 0,55 м и высотой около 0,4 м располагался на одном уровне с дном входной ямы. В подбое, заполненном светло-коричневым суглинком с гравием, лежал скелет очень плохой сохранности, вытянуто на спине головой на СВС. Справа на тазовых костях лежало бронзовое зеркало с боковой ручкой и с изображением на диске свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Судя по зеркалу, в подбое была погребена женщина (рис.8, 2; 12; фото 5,6).

Погребение 3 расположено в 4 м к востоку от основного. Под дерновым слоем расчищена надмогильная выкладка почти квадратной формы, размером 1,4 x 1,2 м из гранитных и кварцевых камней, лежавших плашмя и стоявших наклонно на грани. Углубление велоось по камням, так как сверху четких очертаний надмогильной ямы не отмечалось. На глубине около 0,7 м начали появляться камни под южной стенкой, поэтому яма расширена была к югу и юго-западу и вытянулась по линии ЮВЮ - СЗС. В южной по-

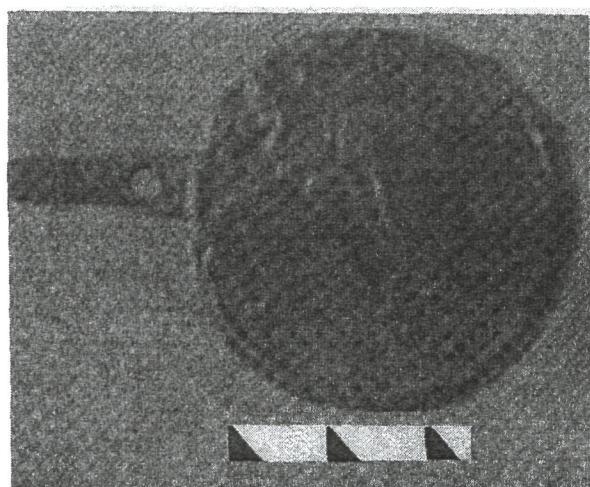


Фото 5

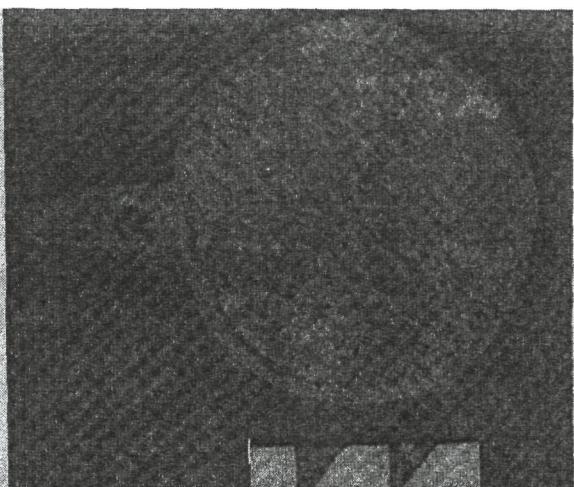


Фото 6

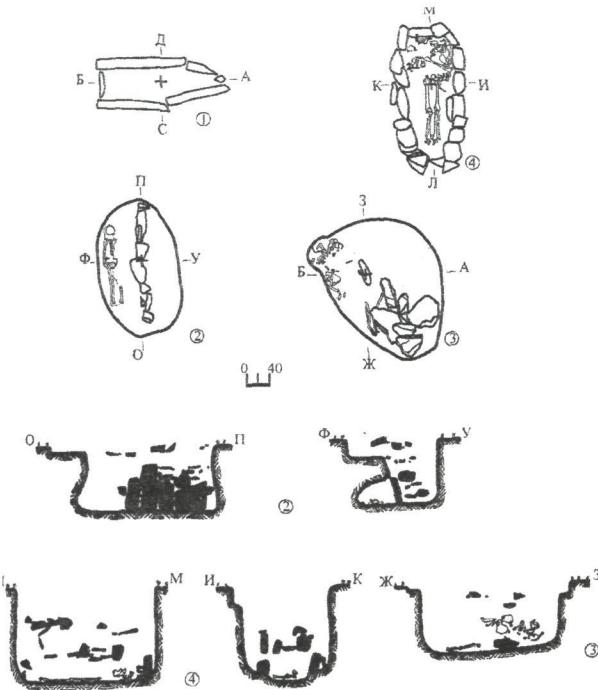


Рис. 8

ловине ямы крупные гранитные и кварцевые камни фиксировались до дна на глубину 1,2 м. За крайним из камней у западной стены расчищены кости ноги человека – берцовая и стопа, лежавшие в сочленении. Остальные кости скелета лежали разрозненно у северо-западного угла и по ходу грабительского лаза в стене наклонно вверх. Скопление костей состояло из нижней челюсти, тазовых костей, ребер, позвонков и др. Это погребение оказалось наиболее разрушенным грабителями, первоначальные очертания могильной ямы установить не удалось, о наличии грунтовой ямы можно утверждать лишь предположительно (рис. 8, 3).

Погребение 4 расположено в 3,5 м к северо-востоку от погребения 1. На поверхности в южной половине частично просматривались верхушки камней. Под дерновым слоем за камнями к северу появилось темное пятно размером 1,1 × 0,74 м. Углубление по пятну велоось до появления камней и плит перекрытия ящика на глубине 0,55–0,6 м и определения границ могильной ямы. На дне ямы на глубине 1,55–1,6 м был установлен ящик из составных камней. Сверху по периметру ящика уложены камни в один ряд, непосредственно на которые поперек ящика были положены плиты перекрытия. На них лежал слой камней. В северной половине ящика плиты перекры

тия были разобраны, оставшаяся плита сдвинута к краю, камни лежали в беспорядке. Здесь проходил грабительский лаз. Восточная сторона ящика состояла из пяти камней, поставленных на грань: у северо-восточного угла – гранитный, к югу около него – кварцевый, затем снова гранитный и последние два камня – из кварца, на которых сверху, закрывая стык, лежали два небольших камня. Западная сторона ящика также была из пяти камней, поставленных на грань: в середине камень гранитный, а от него к северу и югу – по два кварцевых. В южной половине на камнях ящика, повисая над ним одним концом, лежали два кварцевых камня, а на них в свою очередь располагался длинный узкий гранитный камень. Стык между гранитным камнем, стоящим в середине стенки ящика и соседними с ним кварцевыми, заложен был вкопанными снаружи двумя камнями. Южная сторона состояла из одного гранитного камня треугольной формы, северная – также из гранитного, поставленного на грань. Размеры ящика 2,15 × 0,70–0,75 м. На дне ящика на глубине 1,6 м находилось потревоженное захоронение: *in situ* сохранились кости ног и левая тазовая кость, шейные и грудные позвонки. Судя по оставшимся костям, скелет лежал вытянуто на спине головой на север. Ребра и правая часть костей таза сдвинуты к восточной стороне, на месте правой части таза располагался череп без нижней челюсти, которая найдена возле грудных позвонков. Возле черепа поперек ящика лежали плечевая и локтевая кости рук, вторая плечевая кость расположена была вдоль восточной стенки, а около нее – грудная kostочка. У западной стенки ближе к северо-западному углу расчищена лопатка. У северо-восточного угла лежала черепная крышка от второго черепа, происходящая, видимо, из соседнего третьего погребения, в спешке брошенная сюда грабителями (рис. 8, 4).

Таким образом, курган 21 состоял из одного основного захоронения, для которого, по-видимому, он и был сооружен, и трех боковых захоронений, примыкавших к восточному краю каменной наброски. Несомненно, что это единый погребальный комплекс,озведенный в какой-то короткий отрезок времени. Очередность захоронения в боковых могилах установить не удалось из-за разрушений поверхности слоя. Конструкцию сооружений и обряд погребения в какой-то

степени удалось проследить в трех захоронениях, которые характеризуются как общими чертами, так и существенными особенностями, например наличием подбойного захоронения. Все погребенные ориентированы по-разному: на запад (п. 1), север (п. 4), северо-северо-восток (подбоеное). Там, где удалось определить, погребенные лежали вытянуто на спине (подбой, п. 4 и предположительно п. 1, если исходить из формы длинного ящика, сужающегося на одном конце).

Все три кургана с одиночными захоронениями (5, 6, 16) под едва заметной насыпью имели надмогильную конструкцию в виде кольца из колотого кварца и гранита, внутри которого просматривалась надмогильная выкладка. Могильные ямы обязательно закладывались массивными плитами и камнями, на дне которых в двух случаях устанавливался каменный ящик из составных плит (к. 5, к. 16), продублированный однажды деревянной колодой (к. 16), а в одном случае женское захоронение было совершено в грунтовой яме (к. 6). Каменный ящик в кургане 5 был заглублен на 20 см в дно большой могильной ямы. Женский же скелет в кургане 6 лежал на дне узкой грунтовой ямы. Сходный с ними по конструкции и обряду погребения одиночный курган 16, расположенный в отдалении, имел относительно узкую и глубокую могильную яму, как в кургане 6, но на дне ее был устроен ящик из составных плит, как в кургане 5. Но от них обоих он отличался наличием деревянной колоды внутри ящика. Для всех трех курганов характерно вытянутое положение погребенных, северо-западная (к. 5, к. 6) и северо-северо-западная (к. 16) ориентировка.

Погребальный инвентарь, уцелевший при ограблении, был немногочисленным. В ящике кургана 5 найдены: мелкий фрагмент керамики и обломок железного коррозированного предмета (нож?) (рис. 9, 5), кусочки дерева, некоторые обуглившиеся. В основании насыпи с восточной стороны кургана в углублении, на глубине 7-9 см найдены 2 бронзовые обоймы с орнаментом и 2 бронзовые бляхи-пронизи (рис. 9, 1-4). В камнях кольца найдены мелкие фрагменты керамики и фрагмент боковины сосуда с отогнутым венчиком и раздутым туловом. Поверхность снаружи

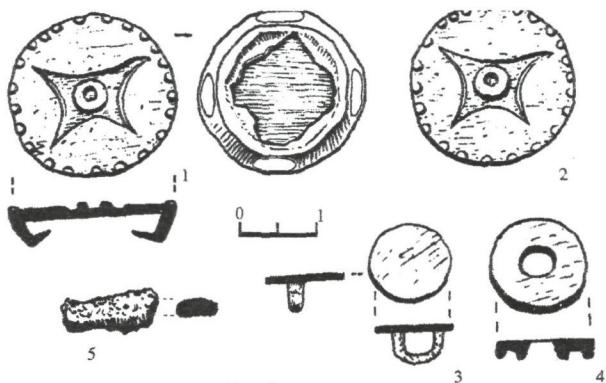


Рис. 9

темная, закопченная, изнутри кирпичного цвета; тесто плотное, со значительной примесью толченого камня (рис. 13, 1). В кургане 6 единственной находкой были бусы в области шейных позвонков женщины: 50 бусинок в виде маленьких плоских колец темного и голубого цвета и среди них 5 сердоликовых бусин с гравированным (наведенным) орнаментом (рис. 10, 4; фото 2). В кургане 16 вразброс лежали 42 пастовые и бирюзовая бусины (рис. 10, 2; фото 4) и костяная орнаментированная бляшка-розетка (рис. 10, 1; фото 3), а в области пояса скелета найдена бронзовая прямоугольная обойма с остатками кожаного ремня (рис. 10, 3), в северо-западном углу ящика - берестяной сосуд, скрепленный по швам бронзовыми скобочками (рис. 13, 3). В кургане 21 в основном погребении единственной находкой был глиняный сосуд баночной формы (рис. 10, 2), в подбойном захоронении справа на тазовых костях женщины (?) лежало бронзовое зеркало с боковой ручкой и с изображением на диске свернувшегося в кольцо кошачьего хищника (пантеры) (рис. 12; фото 5, 6).

В целом раннекочевые погребения из майловского могильника представляют устойчивую группу захоронений, совпадающих с основными показателями майэмирской культуры, но имеющих при этом свои локальные особенности. Для майэмирской культуры характерны погребения в ящиках в глубоких могилах, а также в подбоях. Подбоеное захоронение УП-УП в в. до н.э. обнаружено на могильнике Майемер II в конструкции в виде двойного кольца¹³. В группу наиболее ранних захоронений такой внутримогильной конструкции входят и захоронения с

¹³ Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г. Раннесакские наконечники стрел из Казахстанского Алтая. // Сборник материалов международной конференции 2-5 сентября 1998 г. Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Санкт-Петербург, 1998 г. С. 155-160.

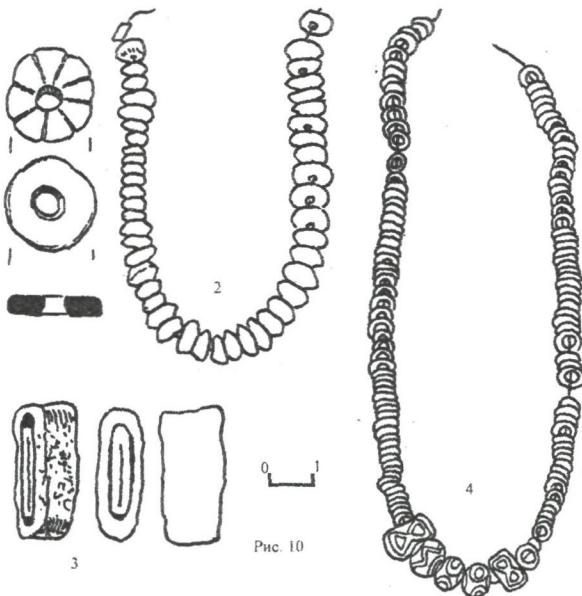


Рис. 10

зеркалами в семиреченских могильниках Арасан I, Джарбулак¹⁴ и Кааша¹⁵. Захоронения в подбоях, зафиксированные в раннескифском могильнике Бийке, а также в относительно более поздних могильниках Карбан и Машенка являются редкостью для Горного Алтая¹⁶.

Вместе с тем, по многим показателям захоронения измайловского могильника тяготеют к памятникам первого этапа тасмолинской культуры. В нем также имеются разнотипные захоронения, которые в основе своей являются одиночными, и погребенные в них лежали вытянуто на спине головой на север или северо-запад. Так, измайловское захоронение в кургане 6 в грунтовой яме, перекрытой каменными плитами, с северо-западной ориентировкой и вытянутостью погребенного на спине можно считать типично тасмолинским. В тасмолинских памятниках имеются и подбойные погребения, зафиксированные также в единичных случаях¹⁷.

¹⁴ Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины. // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 142-145.

¹⁵ Максимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени. // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С.136-145.

¹⁶ Тишкун А.А. Погребальные сооружения курганныго могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их. // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 47.

¹⁷ Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. // ТИИАЭ АН КазССР. Т.7. Алма-Ата.1959.С.179; Он же. Памятники тасмолинской культуры. // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.1966. С. 311-348, 400-402 ; Боковенко А.Н. Центральный и Восточный Казахстан. Глава У // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1992. С. 130-133.

¹⁸ Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959, т.7. С.32-58. Там же, Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана. С.3-31.

¹⁹ Акишев К.А. Культура саков долины Или (УП -ІУ вв. до н.э.).// Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р.Или. Алма-Ата, 1963. С.120.

²⁰ Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины. // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 142-145.

²¹ Максимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени. // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С.136-145.

²² Боковенко А.Н. Центральный и Восточный Казахстан. Глава У // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1992. С. 145-146.

Датировка курганов (5,6,16) основывается, в первую очередь, на конструкции сооружений, обряде погребения и сопроводительном инвентаре. Датировка погребений кургана 21 построена на находке в подбойном захоронении зеркала с боковой ручкой и изображением на диске. Аналогичные изображения широко представлены в бляхах, найденных в комплексах Восточного Казахстана (Чиликты), Алтая (Майэмурская находка), Сибири (Сибирская коллекция, Аржан), Причерноморья (Келермес) и других. В целом дата их не позже VI в. до н.э. Подбойные захоронения с зеркалами исследованы Е.И.Агеевой и А.Г.Максимовой в могильнике Жол-Кудук (VI –V вв. до н.э.) и К.А.Акишевым в могильнике Айдабуль II (V- IV вв. до н.э.), в северных и северо-восточных районах тасмолинской культуры, оставленные иной, но близкородственной этнической группой¹⁸. Позже могильник Айдабуль II автором раскопок был передатирован на рубеж VI – V вв. до н.э.¹⁹ В женских подбойных захоронениях сакского времени, исследованных Г.А.Кушаевым²⁰ и А.Г.Максимовой в Семиречье²¹, также были зеркала.

Измайловское зеркало – это единственная находка, которая до полной публикации всего массива раннекочевнических материалов получила широкую известность в археологической литературе²². Неординарность находки заключена в том, что зеркало сопровождало подбойное захоронение и что на его диске помещено рельефное изображение, выполненное в скифо-сибирском зверином стиле. В настоящей публикации даны два фото зеркала – до реставрации (фото 6) и после (фото.5). По форме это плоское зеркало, имеющее круглой формы диск диаметром 7,6-7,7 см, с боковой ручкой длиной 2,9 см и круглым отверстием диаметром 0,5 см. Толщина диска составляет 2-2,5 мм. По классификации В.Д.Ку-

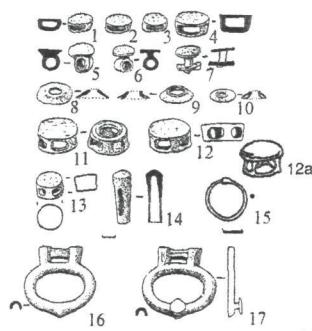


Рис. 11

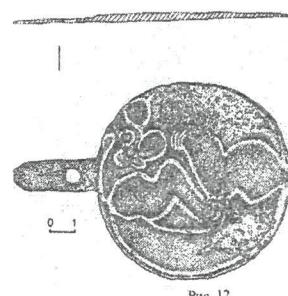
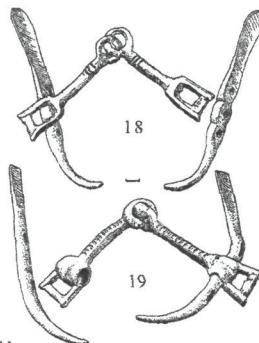


Рис. 12

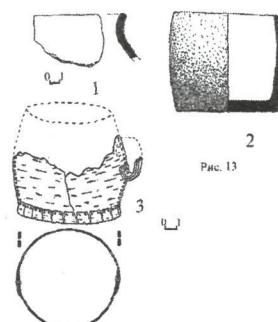


Рис. 13

барева, основанной на размерах зеркала, измайловское относится к крупным, являющимися наиболее архаичными и имеющими дату VIII–VI вв. до н.э.²³. По его мнению, мотив свернувшегося в кольцо гибкого хищника относится к местным азиатским прототипам, а измайловское зеркало – это еще одно звено в цепочке распространения с востока на запад этого древнейшего образа²⁴. С этой точки зрения согласуется и вывод Е.С.Богданова, что «стилистически данный образ больше тяготеет к казахстанским изображениям на пряжках»²⁵. В.А.Могильников относит зеркала к предметам туалета и культа, что подтверждается находками их совместно с алтариками и кусочками мела в памятниках Верхнего Приобья. По форме он разделяет зеркала на 2 группы: дисковидные с боковой ручкой и дисковидные с петлей на обратной стороне. По форме ручки зеркала 1 группы разделены на 3 типа, из них измайловское зеркало относится к 3 типу, характеризующемуся укороченной боковой ручкой с отверстием, причем отверстие расположено ближе к основанию ручки. В.А.Могильников отмечал, что зеркала этого типа занимают промежуточное положение между зеркала-

ми с длинными боковыми ручками и медальонидными зеркалами Горного Алтая и Минусинской котловины²⁶. Он предполагал, что зеркала с укороченной боковой ручкой являются подражанием зеркалам с длинной боковой ручкой, распространенным в более западных степных регионах, в то время как в памятниках Алтая численно преобладают медальонидные зеркала²⁷. На местном производстве основной части медальонидных зеркал Алтая и Центральной Азии настаивает и В.Д.Кубарев, приведя в качестве аргумента найденные в погребениях однотипные серии, отлитые в одной форме специально для погребального обряда²⁸. Измайловскому зеркалу удалено внимание в книге Е.Ф.Корольковой, приведенному в качестве стилистического аналога с территории Казахстана особенной группе раннескифских зеркал с острым выступом в верхней части и зооморфным изображением на диске²⁹. Достаточно спорным утверждение о наличии выступа считает Е.С.Богданов³⁰. В прорисовке зеркала из Измайлово, помещенной в томе «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время»³¹, слегка просматривается еле заметный выступ на диске, послуживший

²³ Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая.//Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2002, № 3 (11). С.64, рис.1,5, с.66.

²⁴ Там же, с. 66.

²⁵ Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006. С. 81.

²⁶ Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. С.80.

²⁷ Там же, с. 86-87.

²⁸ Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая.//Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2002, № 3 (11) С.75.

²⁹ Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху III-II вв. до н.э. Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. Санкт-Петербург, 2006. С.139, 141; с. 233, таблица 66, 14.

³⁰ Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006. С. 81.

³¹ Боковенко А.Н. Центральный и Восточный Казахстан. Глава У //Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1992. С.407, таблица 57, 18

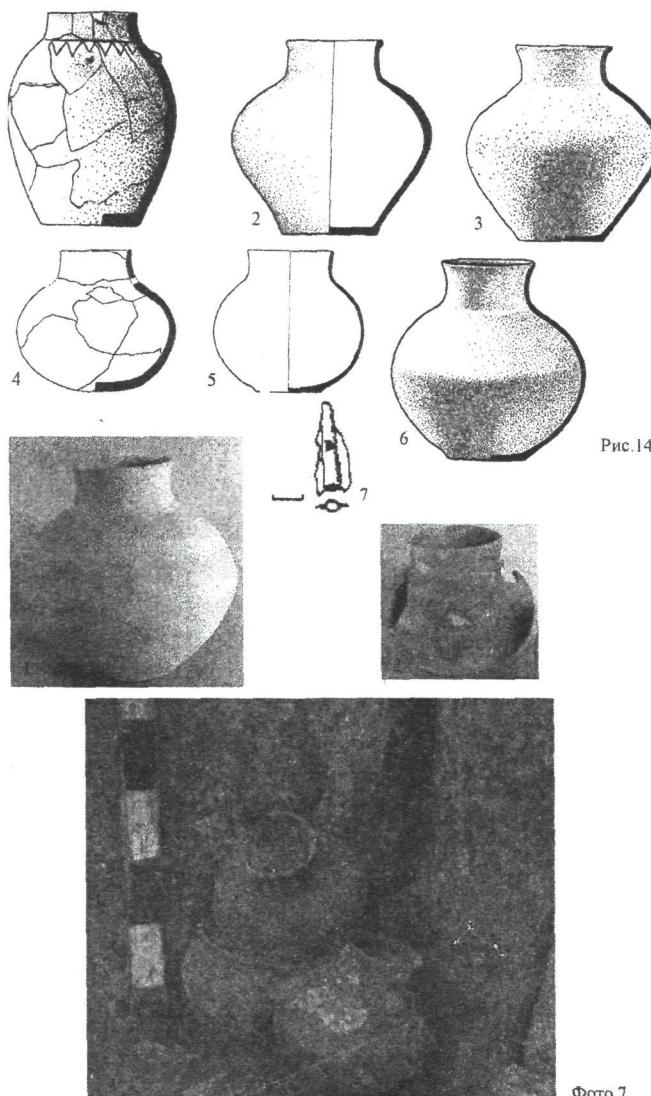


Рис.14

Фото 7

основанием для предположения о некоемrudиментарном проявлении здесь этой формы и включении его в группу зеркал с острым выступом³². В действительности, в изображении на зеркале рельефный контур плеча животного вынесен на самый край диска, что усилило иллюзию выступа на самом диске (рис.12, фото 5,6). Однако можно согласиться с Е.Ф.Корольковой в том, что изображение пантеры на измайловском зеркале «...демонстрирует весьма архаический стилистический вариант, далекий, однако, от стиля

«зеркальной серии», в котором контурная фигура свернувшейся пантеры занимает все поле зеркала³³. Заслуживает внимания проделанный А.А.Зинченко анализ иконографического типа, представленного свернувшимся в кольцо кошачьим хищником из Восточного Казахстана. В результате получилось, что майэмирские, измайловская и чистоярская «пантеры» принадлежат к одному варианту, который также представлен в памятниках тагарской культуры, в бляшках из Сибирской коллекции Петра I и могильника Уйгарак³⁴.

³² Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (УII-IU вв. до н.э. Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. Санкт-Петербург, 2006. С.139, 141; с. 233, таблица 66, 14.

³³ Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (УII-IU вв. до н.э. Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. Санкт-Петербург, 2006. С. 141.

³⁴ Зинченко А.А. Иконография хищника породы кошачьих, свернувшийся в кольцо: варианты и модификации на примере памятников Восточного Казахстана // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. (23-28 октября, 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. С. 297-299.

Определенный интерес представляют 5 бусин из женского погребения в кургане 6, изготовленные из тщательно отшлифованного сердолика, являющегося одной из разновидностей халцедона (рис.10,4; фото 2). Сердоликовые бусы с наведенным (гравированным) орнаментом, появившимся уже в эпоху энеолита, подробно рассмотрел Б.А.Литвинский в одной из своих работ³⁵. Эффект гравировки достигался в результате рисования по камню жидкостью, содержащей щелочь (в новейшее время - соду), с последующим высушиванием и нагреванием, что давало эффект «гравированного» узора. Две измайловские уплощенные бусины с восьмеркообразным гравированным орнаментом относятся к мотиву № 7 по классификации Б.А.Литвинского, сделанной для памирских бус³⁶. Этот мотив восходит к очень ранним прототипам, известным на Ближнем и Среднем Востоке. Еще два мотива орнамента имеют соответствия в кургане 6 могильника Тасмола V. Это орнамент в виде змейки на одной бусине и кружков из двойных линий на двух остальных³⁷. При характеристике ожерелья из кургана 6 этого могильника М.К.Кадырбаев особое внимание уделил сердоликовым бусам, орнаментированным содовым раствором, указывая на их диагностирующий характер.* Аналогичные бусы относятся к одному из ранних типов и датируются по инвентарю VII – VI вв. до н.э³⁸.

Особый интерес представляет находка в углублении во внешних камнях кольца кургана 5 принадлежностей конской сбруи, в которую входили 2 обоймы и 2 бляхи-пронизи (рис.9, 1-4; фото 1). Условия расположения предметов и анализ нахождения аналогичных находок с других территорий склоняет к мысли, что это, возможно, было специальное захоронение узды на уровне древнего горизонта. Отсутствие удил и псалиев можно объяснить в основном двумя причинами: либо они были из плохо сохраняющихся органических материалов (ременные удила и роговые

псалии), либо, находясь близко к поверхности, были взяты случайными людьми. Обоймы входили в состав уздечного набора и помещались в местах перекрещения ремней. Форма и размеры обойм отличаются архаизмом. Массивные низкие, высотой 1 см, крупные обоймы с плоским щитком диаметром 4,1-4,2 см имели по четыре боковых прорези, незначительно варьирующиеся в размерах (длина и высота прорезей): 1,0 x 0,6; 1,1 x 0,6; 1,2 x 0,5; 1,3 x 0,5; 1,3 x 0,6 см. По краю щитка обеих обойм располагались 23 выступа (шишечки) на расстоянии 2-3 мм друг от друга, образуя таким образом зубчатый край. Выступы или шишечки были разной формы и размеров из-за разной степени стертости некоторых: овальные и овально-вытянутые, подтреугольные и прямоугольные, размером 1,5 x 4; 3,5 x 2; 1 x 3; 1 x 1; 2 x 3 мм. В срединной части щитка был помещен солярный орнамент, представляющий собой углубленную четырехлучевую звезду или квадрат с вогнутыми сторонами и выпуклым кольцом в центре (рис.9, 1,2; фото 1). В работе О.А. Вишневской представлена обширная сводка распространения этого солярного знака на предметах конской сбруи, навершиях и т.п. в предскифское и раннескифское время на обширной территории, и в том числе в памятниках Казахстана. «...Углубленный квадрат с вогнутыми сторонами, в центре которого помещено выпуклое кольцо, - фигура, обычна для передачи символа солнца в культурах древнего Востока» - этой фразой она предваряла круг аналогий, подчеркивая тем самым истоки солярного знака такой формы³⁹.

Изображение этого солярного знака на предметах конской сбруи в какой-то степени является хронологическим признаком – не позже VI в до н.э. Измайловские обоймы сближают с уйгарамскими уздечными наборами наличие дополнительных выступов на щитке: на измайловских это своеобразные округлые шишечки или шпеньки, а на уйгарамских - рубчатая кайма (обоймы и

³⁵ Литвинский А.Б. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. С.78-82.

³⁶ Там же, с. 80-81.

³⁷ Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры. //Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.1966. С. 329; 423, рис. 69.

³⁸ Там же, С. 424-425.

³⁹ Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII –V вв. до н.э. Москва, 1973, С.104.

* Как-то в одной из бесед со мной по поводу измайловских находок, что было незадолго до его смерти в июне 1982 года, М.К. Кадырбаев сказал, что собирается засесть за материалы Тасмолы и пересмотреть ее датировку в сторону удревнения, так как часть погребений, несомненно, древнее VII в. до н.э., и что в свое время для этого не было доказательной базы.

бляшки из курганов 29 и 60)⁴⁰. Кроме того, большинство уйгарацких обойм, как и измайловские, были крупными и низкими, с овальными прорезями, но отличались полусферической формой щитка⁴¹. Массивная бронзовая пронизь найдена и в кургане 2 могильника Тасмола V⁴².

Если принять версию, что данный набор утратил свою комплектность в период пребывания в земле, то получается, что на территории измайловского могильника найдены два приклада с уздечными наборами. Первый приклад (рис.11,1-8,10-12, 13-19) был представлен в публикации материалов измайловского могильника в 80-е годы прошлого столетия как находка двух комплектов конской сбруи в одной из бегазинских оград⁴³. Впоследствии эта находка была интерпретирована Н.А. Боковенко как специальное захоронение или клад⁴⁴. По мнению этого исследователя, погребальный обряд этих памятников предусматривал положение конской сбруи в пределах ограды, недалеко от могилы погребенного на уровне древнего горизонта. К этому типу обряда отнесен «клад» бронзовых предметов, составляющих полный комплект конской сбруи, найденный у с. Камышинка. Эти памятники отражают особенности всаднического погребального обряда, генетически связанного с культурами Саяно-Алтая, где для УШ в до н.э. фиксируется обряд захоронения всадника и уложенного рядом коня на уровне древней дневной поверхности⁴⁵.

Оба измайловских приклада отличаются друг от друга типологически, составом предметов, принадлежностью к погребениям двух эпохально разных культур – переходного периода и ран-

него железа (рис.11, 1-8,10-12, 13-19; 9,1-4; фото 1). В свое время автором высказывалось предположение о не случайном нахождении двух комплектов раннекочевнической конской сбруи в бегазинской ограде, и на основании этой предпосылки был сделан вывод о существовании на коротком отрезке времени двух культурных традиций - позднебронзовой и раннекочевнической. С течением времени это предположение подтвердили новые факты: находки с поселения Новошульбинское на правобережье Иртыша⁴⁶ и материалы из раскопок сибирских археологов на территории степного и лесостепного Алтая, где была выделена группа памятников VI-V вв. до н.э., в которых фиксируется смешение традиций культур скифского времени и эпохи поздней бронзы. Прослеживается процесс существования и взаимодействия населения двух культурных традиций – эпохи финальной бронзы и раннескифского времени⁴⁷.

О взаимосвязи измайловских прикладов с захоронениями, возле которых они были закопаны, подтверждают и данные спектрального анализа металла, который показал, что изделия из них, в основном, имеют разные химические группы. Первый, «бегазинский», приклад изготовлен из оловянной бронзы, как и большая часть предметов из бегазинских захоронений. Металл же обойм и блях-пронизей второго, предполагаемого, приклада из кольца кочевнического кургана, принадлежит к оловянно-мяшьяковой бронзе, более характерной для раннекочевнической эпохи⁴⁸.

При установлении относительной хронологии памятников двух разнокультурных групп необходимо учитывать наличие двух типологически и в

⁴⁰ Вишневская О.А. Там же, с.104, табл. XI , 4; XII ,1,2.

⁴¹ Вишневская О.А Там же. С.103-104

⁴² Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры. //Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.1966. С.319, 323, рис.15,1

⁴³ Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу. //Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 69-72, 92-93).

⁴⁴ Боковенко Н.А. Центральный и Восточный Казахстан. Глава У. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. // Археология СССР, М. 1992. С. 145-146.

⁴⁵ Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Л.,1986. С. 20-21.

⁴⁶ Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф. Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов УШ –УИ вв. до н.э. на Семипалатинском правобережье Иртыша. //Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Алматы-Москва,1998. С.44 - 45.

⁴⁷ Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения Кулундинской равнины в УШ – УИ вв. до н.э. //Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004, С. 31-42.

⁴⁸ Кузнецова Э.Ф., Ермолаева А.С. Изменение рецептуры бронз на примере изделий из памятников левобережья Иртыша. //Сборник тезисов конференции «Исторические чтения памяти М.П.Грязнова». Омск, 1986.

какой-то степени хронологически отличающихся друг от друга прикладов, из которых типологически более архаичный приклад связан, тем не менее, с памятниками эпохи ранних кочевников, а типологически более поздний – с бегазинскими. Можно предположить, что на начальном этапе эпохи ранних кочевников продолжают существовать памятники носителей бегазы-дандыбаевской культуры, доживающие, видимо, до конца VIII в до н.э., а возможно, и начала VII вв. до н.э.

По всей совокупности признаков и с учетом удревнения раннекочевнических древностей, курганы 5, 6 и ритуальные выкладки возле них укладываются в хронологические рамки первой половины VIII вв. до н.э., за ними следует курган 16 с возможной датой второй половины VIII вв. до н.э. Более поздним, но не позже VII вв. до н.э., видимо, был курган 21, дату которого определяет находка из захоронения в подбое - зеркало с боковой ручкой и изображением свернувшегося в кольцо кошачьего хищника.

Резюме

Макалада өткен ғасырдың 80-шы жылдары қазба жұмыстары жүргізілген Шығыс Қазақстанның алғашқы ерте көшпенділер кезеңіне жататын Измайловка жерлеу-ғүрптық кешенінің материалдары ғылыми айналымға енгізілген. Табылған заттар мен мерзімделген кезең жөнінде бірқатар мәселелер көтеріледі.

Summary

Materials of Izmailovsky cemetery complex of the beginning of epoch of Early Nomads from Eastern Kazakhstan, received are entered in a scientific revolution as a result of excavation in 80th years of the last century. Some problems connected to a material and epoch are considered

Условные обозначения

1		Дерновый слой
2		Камни выше уровня СДП
3		Материковый слой
4		Суглинистый слой
5		Глинистый слой
6		Темная супесь с гравием
7		Слой галечника
8		Песчаный слой
9		Темный слой
10		Темно - коричневый слой (тлен ?)
11		Темно - коричневый слой с тленом (дерево ?)
12		Глиняный слой с гравием